

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2023.4.1

Кому потребовалась «перестройка»? «Застоя» не было!

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья известного социального философа ректора Московского гуманитарного университета И. М. Ильинского представляет собой вариант текста главы в книге о «перестройке», над которой автор работает уже многие годы. Данный текст продолжает тему предыдущих статей И. М. Ильинского, опубликованных в журнале «Знание. Понимание. Умение»¹. В данной статье на основе большого количества исторических источников и архивных материалов рассказывается о том, что так называемый застой в советской экономике 1980-х гг. — не более чем миф. На самом деле, как показывает автор статьи, страна в этот период экономически развивалась, хотя сложно и противоречиво. При этом само развитие было обусловлено внедрением в экономику страны элементов рынка, регулируемого государством. В то же время экономическая и политическая катастрофа перестройки была связана не столько с кризисом советской системы (которая была вполне реформируема), сколько с рядом правительственных мер конца 1980-х гг., направленных на введение в стране нерегулируемого рынка. Тяжелый экономический кризис, вызванный этими мерами, усугубился целенаправленной политикой руководства США, направленной на развал Советского государства. Автор статьи еще раз утверждает в этой публикации, что за всеми этими негативными процессами в политике и экономике стоял заговор руководителей государства (М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе).

Ключевые слова: СССР; перестройка; застой; Горбачев; Яковлев; Шеварднадзе

Эту статью начну с большой цитаты из книги Н. И. Рыжкова «Десять лет великих потрясений». В ее 24-й главе Рыжков пишет: «Прежде всего еще раз хотелось бы ответить на один из основных вопросов: нужна ли была она (перестройка. — И. И.) вообще? Да, в то время нужны были реформы, и в первую очередь в экономике. Они стучались в дверь, не видеть их необходимости мог только политический слепец... Сегодня многие пытаются понять, что же было в истоках перестройки. Или она была сразу же дымовой завесой для предательства Горбачева, или оно произошло несколько позже?

Может быть, это была просто уже отработанная технология — бросать грязью в своих предшественников и их деяния, утверждать свой авторитет в качестве нового партийного и государственного лидера, выдвигая какие-то свои, более или менее крупные и, хотя бы на словах, свежие идеи?..

Я искренне верил в идеалы перестройки, а что было в голове Горбачева, трудно сейчас сказать. Теперь бытует несколько версий. Одна из них состоит в том, что Генсек с самого начала перестройки якобы знал о том, чем все это кончится для страны и народа; другая — что он просто не сумел осознать ход событий и управлять им; третья — что он был, даже если сам того не понимал, просто марионеткой в чужих руках, в том числе — западных.

Я склонен считать, что в инициаторе перестройки всегда имелась, как в трухлявом дереве, большая червоточина, которую безошибочно находит для своих целей дятел.

С 1987 года в перестройке... на политическую сцену вышли силы антикоммунистической ориентации во главе с А. Яковлевым, Э. Шеварднадзе, В. Медведевым и другими, которые использовали знамя перестройки совершенно для иных целей... В результате был осуществлен совершенно иной, прямо противоположный первоначальному (официально-публичному. — И. И.) замыслу перестройки план. Тем самым была подготовлена почва для ползучей контрреволюции в стране.

...На мой взгляд, трагический конец перестройки имеет в своей основе сложное сочетание ряда фактов, в том числе особенностей времени, выдвигавшихся публично и потаенных целей, качеств личности Горбачева.

У Горбачева не было данных для руководства государством. Да и откуда они могли взяться у него, плавно прошедшего в течение тридцати лет только комсомольско-партийные ступеньки?.. По характеру, опыту жизни ему было противопоказано заниматься какими-либо кардинальными изменениями.

В раздувании мифа о Горбачеве особенно велика роль Запада. Вряд ли по отношению к нему приемлем термин “завербовали” в обычном его смысле. Скорее всего, он был опьянен возможностью стать одним из ведущих мировых лидеров. Это — главное. Обработка его в этом направлении была вполне очевидной» (Рыжков, 1995: 540–543; выделено мной. — И. И.).

Должен сказать, что я читал немало других книг и статей серьезных ученых-экономистов, в которых они на основе достоверных источников доказывают, что в брежневские времена никакого «застоя» в советской экономике не было. Был кризис, была необходима реформа экономики, которую собирался начать Андропов. Но он не успел начать ее: был серьезно болен, хотя американский «светило» в области урологии, дважды прилетавший в СССР для осмотра больного, обещал ему не менее десяти лет активной жизнедеятельности.

Первый диагноз и прогноз был сделан еще в ту пору, когда Андропов был председателем КГБ СССР. Только поэтому он дал согласие на избрание его генеральным секретарем ЦК КПСС.

Судя по рассказу Н. И. Рыжкова в книге «Перестройка: история предательства» (Рыжков, 1992), он не знал, как далеко в своих реформах собирался пойти Андропов, касались они только экономики или других сфер.

Ни Андропов, ни Черненко, ни тем более сам Брежнев, ни ученые-экономисты, да вообще никто в стране в те годы не говорил о «застое». В своей книге «Главный свидетель» Н. И. Рыжков пишет: «...Восьмая пятилетка (1966–1970 годы) имела самые высокие экономические показатели» (Рыжков, 2009: 12). Потом был объяснимый спад... Имя существительное «застой» в качестве главного диагноза состояния советского общества, и прежде всего в экономике, появилось в отечественной и мировой лексике конца XX в. с воцарением Горбачева в кресле генсека

ЦК КПСС. Это он в докладе на XXVII съезде КПСС 25 февраля 1986 г. произнес фразу: «В жизни общества стали проступать застойные явления» (цит. по: Некипелов, Головнин, 2010: 28), вызвав панику у обывателей и восторг у части интеллигенции, жившей в СССР с «фигой в кармане». Ну и, само собой разумеется, в стане западных советологов, ранее наперегонки объявлявших все новые даты гибели Советов. Но были и видные американские ученые-экономисты, которые напрочь отвергали такие прогнозы. Их имена известны.

Вдумаемся в слова Горбачева. Застойные явления еще не проявились, а только «стали проступать», т. е. проявляться (известен философский постулат: «Явление существенно, сущность является, но, как правило, не сразу в полном объеме, а постепенно»). В какой сфере? Не сказано, что именно в экономике, — «в обществе». Но поскольку речь о доходах населения, не растущих уже три года, значит, прежде всего в экономике, а из-за этого — в общественных настроениях и т. д. Понятно, что это плохо.

Однако вспомним: в царской России экономический кризис длился четыре года — с 1899 по 1903 г., за это время закрылось около 3 тыс. фабрик и заводов. С 1904 по 1908 г. кризис сопровождался глубокой депрессией. Затем начался длительный застой. Но Россия выжила. Что ее спасло? Почему в 1909 г. она (через 10 лет! — *И. И.*) вышла из кризиса? Высокие урожаи зерновых четыре года подряд.

Советский Союз спасал экспорт не зерна, а нефти. Нельзя не принимать во внимание, что с 1946 г. (а на самом деле после 1917 г. СССР находился в положении «окруженной крепости») шла холодная (в том числе экономическая) война с США и Западом...

В 1985 г. американцам удалось вынудить руководство Саудовской Аравии нарушить квоты ОПЕК и увеличить поставки нефти на экспорт. Цены на нефть резко упали. У СССР, как крупнейшего нефтеэкспортера, значительно сократилась экспортная выручка, возник дефицит торгового баланса.

Если в 1983 г. среднегодовая цена нефти марки Brent составляла 29,83 долл. за баррель, то к 1985 г. она опустилась до 27,33 долл. за баррель. В 1988 г. цена сырой нефти с 27,3 долл. за баррель упала до 14,7 долл. за баррель (там же: 28, 32).

Для чего и как ЦРУ делало это, со всей откровенностью рассказано в книге П. Швейцера «Победа» (Швейцер, 1995).

Существовавшие в тот период идеологические догмы, в частности так называемый основной экономический закон социализма, не позволили руководству СССР принять диктуемые обстановкой решения — сократить некоторые государственные расходы, уменьшить зарубежную помощь и др. Власти прибегли к известному методу — дополнительной эмиссии. В результате потребительский рынок был во многом разрушен, возникли очереди за продуктами и другими товарами, затем введена карточная система (талоны) в большинстве регионов СССР.

Именно в этот момент крайне амбициозный секретарь ЦК КПСС с помощью А. Н. Яковлева и А. А. Громыко сумел прорваться на пост генсека ЦК КПСС и во всех существующих в обществе недостатках обвинил социализм.

Не сразу, нет...

Советские ученые-экономисты принялись искать корни проблемы. Известные ученые-экономисты А. Д. Некипелов и М. Ю. Головнин писали: «...Сами по себе даже снизившиеся темпы роста отдельных макроэкономических показателей на первый взгляд не свидетельствовали о каком-либо серьезном кризисе в народном

хозяйстве страны» (Некипелов, Головнин, 2010: 28). И далее: «Очевидно, что в советской плановой экономике имели место **системные недостатки**. Они во многом были связаны с **системой мотивации экономических агентов**. В сфере производства конкретные предприятия были ориентированы **не на потребителя, а на плановые органы**» (там же).

С такого рода серьезными замечаниями в принципе можно согласиться. Но при умном подходе и стремлении властей, генсека ЦК КПСС положение дел можно было исправить.

Но тройка заговорщиков (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе) не собиралась «умничать». Они остро нуждались в точке отсчета и платформе, с которой должна была стартовать уничтожительная «перестройка». Не будем забывать, что политика и действия «тройки» строились в основном на лжи и обмане. На «лукавстве».

Народу сообщили, что в 1982 г. **рост реальных доходов населения — впервые после войны! — скатился до нуля!** (Рыжков, 1992: 42). Были и другие отрицательные показатели. Этого было достаточно, чтобы известить страну и весь мир о надвигающейся на СССР абсолютно неизбежной катастрофе... если не принять срочных и радикальных мер.

И они были названы на Апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС, а затем представлены в **расширенном виде** на XXVII съезде КПСС (XXVII съезд КПСС, 1986: 24).

Положение дел в стране, сложившееся за годы правления «позднего» Брежнева, а после него также престарелых и тяжелобольных Андропова и Черненко, было определено одним **грозющим словом** — «застой».

В принципе, такого же мнения придерживается и Н. И. Рыжков (Рыжков, 1992: 64). Однако он же в нескольких главах своей книги отмечает, что **в относительно скором времени**, в результате реализации мер, намеченных **еще при Андропове** с участием самого Рыжкова и Горбачева, а также академиков-экономистов Аганбегяна, Богомолова, Тихонова, докторов наук Абалкина, Петракова и Ситаряна (там же: 47), были приняты два совместных постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» (14 июля 1983 г.) и «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» (28 июля 1983 г.) (там же: 156).

Реализация мер, намеченных в этих постановлениях, заметно улучшила положение дел в экономике СССР.

Горбачев уже тогда «лукавил», утверждая, что преобразования в СССР будут осуществляться «не за пределами социализма, а в рамках нашей системы, раскрывая потенциал **плановой экономики**» (цит. по: там же: 156). Ему вторил и Рыжков: «Не знаю, кто как, а я-то твердо верил, что у **плановой экономики потенциал есть, он еще не исчерпан, еще поработает на державу**».

Раз уж речь зашла о словах, то напомним, — пишет он — что «**перестройку**» в те дни уравнивали в правах с революцией, а вот это как раз **противоречило** моим взглядам и на революцию, и на перестройку. Ибо революция, как показывает опыт, всегда — ломка, бездумное и безжалостное разрушение «до основания», а я, быть может, лучше других знал, к чему, к каким непредсказуемым бедам приводят разру-

шения в экономике. К хаосу они приводят, а разве может кто-то предсказать его последствия?» (там же).

О состоянии советской экономики в целом высказались несколько знаменитых американских экономистов.

«После визита в Москву в 1982 году Артур Шлезингер сообщал: “Я видел в магазинах больше товаров, больше продуктов на базарах, больше машин на улицах — всего больше, за исключением икры, неизвестно, по какой причине”. Направляя свою критику в адрес администрации Рональда Рейгана, он писал, что “те люди в Соединенных Штатах, которые считают, что Советский Союз находится на краю пропасти из-за кризиса в обществе и экономике и что достаточно лишь одного толчка, чтобы он развалился, — занимаются самообманом”. Шлезингер сравнивал таких американцев с советскими сановниками, утверждавшими, что являются свидетелями последнего этапа существования капитализма. Вместе с тем он отметил, что в обоих лагерях находятся “люди, считающие другие общества менее стабильными, чем они являются в действительности. У каждой супердержавы есть свои экономические проблемы, но это не означает, что она уже лежит на ринге побежденной”» (Швейцер, 1995: 7).

Известный экономист Джон Кеннет Гэлбрейт в 1984 г. дал похожую оценку состоянию дел: «Русская система сдает экзамен, поскольку в отличие от западной промышленности она полностью использует человеческие ресурсы» (цит. по: там же: 8).

Известный советолог Северин Биалер из Колумбийского университета в статье в *Foreign Affairs* (1982) занял следующую позицию: «Советского Союза ни сейчас, ни в ближайшие десять лет не коснется настоящий кризис системы, потому что он является гордым властелином огромных неиспользованных ресурсов, которые могут обеспечить ему политическую и общественную стабильность и позволить пережить даже самые большие трудности» (цит. по: там же).

Лауреат Нобелевской премии Пол Самуэльсон в учебнике «Экономика» (1981) определил это еще более четко: «Это упрощение — предполагать, что большинство людей в Восточной Европе плохо живет» (цит. по: там же).

Профессор Лестер Туров из Массачусетского технического института еще в 1981 г. утверждал в своем учебнике «Проблемы экономики»: «Может ли решение вопросов народного хозяйства в значительной мере ускорить экономический прогресс? Огромный прогресс Советского Союза доказывает, что это может стать фактом. В 1920 году Россия не много значила на экономической карте мира. Сегодня это государство, достижения которого в области экономики можно сравнить с достижениями Соединенных Штатов!» (цит. по: там же).

В 1990 г. Москву вновь посетил один из виднейших экономистов США Дж. Гэлбрейт. Ознакомившись с доктриной реформ, он сказал: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» (Гэлбрейт, 1990).

«Психическое отклонение клинического характера» — вот как воспринимал знаменитый американский экономист замысел перестройки СССР по рыночным канонам. Читая работы западных исследователей по вопросам образования,

внутренней и внешней политики, я неоднократно встречался с подобной реакцией на горбачевские идеи. Тогда никто — ни в СССР, ни в одной стране мира не мог даже предположить, что это не заблуждение, а предательство по изначальному замыслу.

Тем не менее страна постепенно двигалась в сторону рыночных отношений, но (как говорилось) **не в стихийных, диких, буйных, не подвластных никаким законам, а в регулируемых.** И это приносило все более заметные положительные изменения.

По этому поводу Н. Рыжков пишет: **«Национальный доход за три года двенадцатой пятилетки (1986–1988 гг.) вырос на 11,6 процента². Меньше, чем по пятилетнему плану, там за три года планировалась цифра 12,8 процента, но прежде мы к плану так близко даже не подбирались, да и план на сей раз не такой мягкий, как раньше, составили. Объем промышленной продукции вырос на 13,3 процента. Объем капитального строительства по сравнению с предыдущей пятилеткой увеличился на 36 процентов. Я уже объяснял разницу между продукцией группы “А” (для нужд производства) и группы “Б” (для нужд людей). Так вот, если в первые два года пятилетки прирост по группе “А” превышал прирост по группе “Б”, то уже в 88-м группа “Б” “обогнала” группу “А” по приросту на целых два процента! Мелочь, на первый взгляд копеечная разница, но за ней — радующая меня тенденция: наконец-то наша экономика начала разворачиваться к нуждам людей»** (Рыжков, 1992: 228).

«Внешняя торговля хоть и не слишком быстро, но развивалась, и с 70-го примерно по 85-й год выросла в 6 раз. Другое дело, что в эту цифру входит в основном торговля со странами социалистического блока, больше напоминавшая бартерный обмен, чем собственно торговлю, но и на капиталистический рынок удавалось прорываться, хотя и узким спектром товаров... **В конце 80-х годов СССР производил 14 процентов всего мирового продукта, а наша доля в мировом товарном экспорте составляла лишь 4 процента. В то же время все развивающиеся страны производили тоже 14 процентов мирового продукта, но их доля в экспорте составляла 20 процентов»** (там же: 251).

Вспомним: это говорит Н. И. Рыжков, «перестройщик №2», каким он себя называет в своей книге; это говорит Председатель Совета Министров СССР «перестроечной» поры.

Приведенные цифры позволяют сделать чрезвычайно важный вывод: начиная с 1986 г. экономика СССР уже не стояла на месте, а продвигалась вперед.

В этот момент можно было бы сказать, что **период «застоя», если он и был (а лучше бы сказать «снижения темпов развития»), что естественно для любой страны), закончился.**

Разработанная еще при Андропове долгосрочная программа кардинального улучшения управления народным хозяйством уже приносила свои плоды. По здравой логике вещей именно в этом направлении и следовало осуществлять дальнейшие перемены в экономике. А это значит, что никакая «перестройка» как **«революция сверху»** не требовалась.

Но совсем не в этом заключалась главная цель заговорщиков.

«Удивительная продуманность стала проследиваться в экономических шагах кремлевских властей. И их **разрушительная последовательность.** Что ни шаг, то новый капсюль-детонатор с гремучей ртутью...» — пишет М. Н. Полторанин (Полто-

ранин, 2010: 54), один из ближайших соратников Ельцина в начальной стадии его деятельности.

30 июня 1987 г. был принят, а с 1 января 1988 г. введен в действие Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)». Вроде бы долгожданный прыжок в демократию, если считать, что существование министерств как естественных монополистов сковывало инициативу предприятий. Закон давал предприятиям полную волю. Настолько полную, что согласно п. 6 ст. 2 этого закона **«государство не отвечает по обязательствам предприятия. Предприятие не отвечает по обязательствам государства»**.

Предприятиям было предоставлено право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций (включая рынки капиталистических и развивающихся стран) и создания для этих целей хозрасчетных внешнеторговых фирм (п. 4 ст. 19 Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)»). Согласно п. 3 ст. 21 данного закона при предприятиях могли создаваться кооперативы, и предприятие должно было содействовать им.

В соответствии с Законом СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР» могли непосредственно проводить экспортно-импортные операции (п. 2 ст. 28), создавать хозрасчетные банки (п. 5 ст. 23), а за рубежом — совместные фирмы (п. 4 ст. 28). Причем выручка в иностранной валюте (после отчислений государству) изъятию не подлежала (п. 3 ст. 28). Закон запрещал требовать от кооператива и его членов любую отчетность, кроме декларации о доходах (п. 1 ст. 32).

В кооперативах на 1 января 1988 г. насчитывалось 156 тыс. человек, на 1 января 1989 г. — 1396 тыс. человек, на 1 января 1990 г. — 4,5 млн человек (Молчанов, 2013).

Кооперативы арендовали у государственных предприятий 58% используемых ими основных фондов и приобретали 63% сырья и материалов. Как отмечал 13 июля 1990 г. заместитель председателя Госкомстата СССР И. М. Погосов, для кооператоров была характерна ориентация на получение **ближайших экономических выгод, а не на долговременные задачи**. Об этом свидетельствовала высокая доля отчислений в фонд оплаты труда и низкая — в фонды развития. В структуре распределяемого дохода кооперативов 69% приходилось на фонд оплаты труда, отчисления в фонд развития кооператива — 15%, в фонд социального развития — всего 4% (там же).

Роль кооперативов в удовлетворении платежеспособного спроса населения была незначительной. **«Кооперативы крутят маховик экономики не столько вперед, сколько назад**. Кооперативов все больше, но спаду это нисколько не мешает», — отмечал член-корреспондент АН СССР Ю. В. Яременко летом 1990 г. (цит. по: там же).

Основная выручка кооперативов (85%) — безналичные средства, перечисленные им государственными предприятиями за якобы оказанные услуги или за продукцию, которая изготовлялась на государственных предприятиях, но «проведена» через кооперативы. Только за 1989 г. государственными предприятиями и организациями страны кооперативам было перечислено, а затем получено наличными 20,6 млрд руб., а возвращено в виде проданной продукции за наличный расчет лишь 1,7 млрд руб. Разница — почти 19 млрд руб.

Это как раз те 19 млрд денежных знаков, которые пришлось **дополнительно напечатать государству в 1989 г.** (Еремин, 1997: 56). Кооперативная кампания явилась

тем шлюзом, через который лавиной хлынул неуправляемый поток незаработанных, не обеспеченных товарами «взбесившихся» денег.

«Весь 1988-й и начало 1989 г., — пишет М. Н. Полторанин, — сходили, как с конвейера, постановления Совета Министров СССР (я насчитал 17 документов) — отменявшие госмонополию на внешнеэкономическую деятельность, запрещавшие таможене задерживать грузы кооперативов, разрешавшие оставлять выручку за кордоном и т. д. и т. п. Тропинка, проложенная властями, привела нас к намеченной ими цели: сначала освободили предприятия от обязательств перед государством, затем передали активы этих предприятий в руки кооператоров и вот, наконец, распахнули настежь границы... За считанные недели при большинстве предприятий были зарегистрированы кооперативы-присоски... Из государственных фондов на фабрики и заводы по-прежнему шли ресурсы для выпуска продукции, а кооперативы отправляли их за рубеж на продажу... Цемент и нефтепродукты, металл и хлопок, пиломатериалы и минеральные удобрения, резина и кожа — все, что государство направляло предприятиям для переработки и насыщения внутреннего рынка, пошло железнодорожными составами за рубеж... За год своего существования кооперативы вывезли из СССР также треть произведенных у нас потребительских товаров, за второй год — еще столько же» (Полторанин, 2010: 56–57). «Внутренний рынок обрушился» (там же: 59).

В 1990 г. в 10 раз возрос экспорт многих товаров длительного пользования, являвшихся дефицитными на внутреннем рынке (мебели, холодильников, стиральных машин, электропылесосов, велосипедов, телевизоров и др.) (Молчанов, 2013).

Происходило резкое увеличение дефицита государственного бюджета, что явилось следствием наращивания государственных расходов без соответствующего увеличения доходов. К 1989 г. рост расходов бюджета составил 25%, доходов — 7%. Дефицит бюджета возрос в пять раз и достиг в 1989 г. 92 млрд руб., что составляло около 10% валового национального продукта (там же). Государственный бюджет СССР нес существенные потери от снижения цен на топливно-энергетические ресурсы на мировом рынке. В 1989 г. по сравнению с 1985 г. цены на нефть снизились на 39%, на нефтепродукты — на 47%, на газ — на 46%. Доходы (сальдо) от внешнеэкономической деятельности в 1989 г. были ниже, чем в 1985 г., на 17 млрд руб. (там же).

Рост государственных расходов повлиял на увеличение государственного внутреннего долга, который на начало 1990 г. составил 399 млрд руб., увеличившись по сравнению с 1985 г. в 2,8 раза. К началу 1991 г. он вырос до 566,1 млрд руб. (56,5% к ВВП), а на 1 августа 1991 г. составлял уже 875,2 млрд руб., в том числе 162 млрд руб. составили компенсации, начисленные по вкладам и облигациям государственного внутреннего выигрышного займа (там же).

Что такое «рост государственного внутреннего долга»? Это одно из наиболее острых проявлений инфляции. Что такое стремительный рост государственного внутреннего долга? Это уже путь к анархии и диспропорциональность производства. «Главный прораб» всего этого не знал?

Одним словом, 1989 г. стал годом перелома в развитии советской экономики в сторону спада.

К началу 1990 г. было вполне ясно, что практика «перестройки» идет по пути разрушения основ социалистического экономического строя, хотя в январе Горбачев в очередной раз заявил: «Мы не отказываемся от социалистического выбора»,

но признал, что реформы затронули отношения собственности (цит. по: Перестройке — энергию дел, 1990: 5–6).

А между тем слова о социализме даже в дежурной демагогии становились все глуше, неопределеннее.

Следующим ударом по тяжелораненому социализму стало принятие 6 марта 1990 г. Закона СССР «О собственности в СССР». И хотя этот закон принимался еще от имени социалистического государства — СССР, фактически он объявлял ликвидацию социалистического экономического строя и Советской власти как политической формы социализма. В нем уже не упоминалась «социалистическая собственность». В силу ряда маскировочных юридических уловок и потому, что в действие закон вводила КПСС, для абсолютного большинства граждан страны значение этого акта осталось почти непонятым. Этот закон получил свое дальнейшее развитие в Законе СССР «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий». Он был подписан Горбачевым 1 июля 1991 г.

Конечно, дело прежде всего в тайных замыслах и преднамеренных действиях заговорщиков, жаждавших ускорения разрушительных процессов в экономической и других сферах жизни.

Во-первых, с невероятной скоростью и в огромных масштабах разгорались межнациональные и этнические конфликты, резко усилившие в стране политическую нестабильность.

Во-вторых, усиливалась конфронтация органов местной власти с общесоюзными «верхами».

В-третьих, нарастал шквал митингов, стачек и забастовок, на что людей толкали остановка деятельности предприятий и рост безработицы.

В-четвертых, нарушался разрыв хозяйственных связей между предприятиями, регионами и республиками.

В-пятых, утрачивался контроль за ростом денежных доходов отдельных групп населения.

В-шестых, резко отставало производство товаров и услуг от роста доходов значительной части населения.

«Неудовлетворенный спрос» (деньги есть, а купить нечего) вызывал у людей злбу, подогреваемую средствами массовой информации и прямыми трансляциями заседаний Съезда народных депутатов Верховного Совета СССР. Масла в огонь пылающих разного рода страстей подливала антиалкогольная кампания. «Авария века» на Чернобыльской АЭС. Чудовищное землетрясение в городе Спитак Армянской республики. Нелепая гибель сотен людей на теплоходе «Адмирал Нахимов» в Одесском морском порту.

Все более усиливалось впечатление, что в стране наступило время разброда и шатания всего и вся, практически полной неуправляемости, стихии и хаоса.

С XIX партийной конференции (28 июня 1988 г.) началось и на XXVIII съезде КПСС (2 июля 1990 г.) практически завершилось разрушение политической системы СССР.

Как отмечает А. И. Молчанов, «до этого момента в стране не было ни продолжительного абсолютного падения ВВП, ни падения уровня жизни населения, ни приостановки технического прогресса» (Молчанов, 2013: 81).

Прочитав фундаментальный труд посла США в СССР Д. Мэтлока «Смерть империи», в котором он излагает взгляды на советскую экономику разных политиков

Соединенных Штатов, включая президентов США Рейгана и Буша, я не встретил ни одного упоминания даже **об экономическом кризисе в СССР**, не то чтобы о катастрофе. Мэтлок, проработавший в СССР более восьми лет, в своих мемуарах пишет: «В 1985 году, когда Горбачев пришел к власти, у советской экономики были **заметны определенные признаки напряжения**» (Мэтлок, 2003: 547). И только!..

Мэтлок ссылается на «проницательных наблюдателей», которые предсказывали, что «советской экономике окажется не под силу состязаться с более динамичными экономиками мира» (там же).

«Наблюдатели» эти говорили то, что хотели слышать политики Запада, мечтавшие об устранении с мировой политической арены Советского Союза как могучего геополитического противника. В этом заключался весь смысл холодной войны, одним из главных сюжетов которой могли стать так называемые реформы экономики СССР, которые неизбежно повлекли бы за собой реформы политические. «Они» хотели этого.

Между тем в начале 1982 г. президент Рейган вместе с несколькими главными советниками начал разрабатывать стратегию, основанную на атаке на главные, самые слабые места политической и экономической советской системы. «Для этих целей, — вспоминает Каспар Уайнбергер (американский политический деятель, республиканец, министр обороны США в 1981–1987 гг. — *И. И.*) — была принята широкая стратегия, включающая также и **экономическую войну**. Это была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств» (цит. по: Швейцер, 2010).

Началось стратегическое наступление, имеющее своей целью перенесение центра битвы супердержав в советский блок и даже вглубь самой Страны Советов.

Цели и средства этого наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности» (NSDD), подписанных непосредственно президентом Рейганом в 1982 и 1983 гг., — официальных документах президента, направленных различным ведомствам, ответственным за внешнюю политику. Как всегда в таких случаях, они шли под грифом «совершенно секретно». Эти директивы по многим аспектам означали отказ от политики, которую еще недавно проводила Америка.

Подписанная в марте 1982 г. директива NSDD-32, рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение **тайных мер** и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе.

Принятая Рейганом в ноябре 1982 г. NSDD-66, в свою очередь, объявляла, что цель политики Соединенных Штатов — **подрыв советской экономики методом атаки на ее стратегическую триаду**, т. е. на базовые отрасли, считавшиеся основой советского народного хозяйства.

Наконец, в январе 1983 г. Рейган подписал NSDD-75, в которой Соединенные Штаты отвергали принцип мирного сосуществования с советской Системой, напротив, предлагалось перенести холодную войну на территорию СССР с целью фундаментальных изменений советской Системы.

Некоторые из этих директив имели своей целью проведение Америкой наступательной политики, результатом которой должно быть ослабление советской власти, а также ведение **экономической войны — войны за ресурсы**. Рейгановская администрация не спровоцировала кризис советской системы, а лишь усугубила его. Добавлю от себя: и очень сильно.

Горбачев задумал «перестройку» СССР, а США всемерно помогали ему в этой затее, ибо «перестройка» как «революция сверху», целью которой было уничтожение СССР, в высшей степени отвечала их интересам.

Не будь Горбачева, не было бы и «перестройки».

Говоря о возможном «взрыве» изнутри СССР, Мэтлок пишет: «...Никто не был уверен, может ли это произойти через десятилетие или займет добрую половину века» (Мэтлок, 2003: 547).

О внешнем факторе уничтожения СССР, о «дружбе» Горбачева с Рейганом, Бушем, Колем и другими лидерами США и европейских стран, о предательских делах Яковлева и Шеварднадзе мы писали ранее в статьях в журнале «Знание. Понимание. Умение».

* * *

В Приложениях к этой статье даны табл. 1–6, читая которые не трудно понять, что «мощная советская экономика в результате сознательных разрушительных действий к концу двенадцатой пятилетки была введена в кризис. Но кризис — это не катастрофа. Никакого неотвратимо резкого, обвального падения производства, обнищания людей и голода в стране не было. Этой цели заговорщикам добиться не удалось».

В архивных фондах Госкомстата СССР удалось выявить документ, разбивающий инсинуации о будто бы абсолютно неизбежной катастрофе, надвигавшейся на СССР в 1991 году» (Молчанов, 2013: 82–83).

7 июня 1991 г. председатель Госкомстата СССР В. Н. Кириченко представил Председателю Кабинета Министров СССР В. С. Павлову доклад «Об оценке основных экономических показателей за 1991 г.» (Документ приводится полностью по источнику: Молчанов, 2013).

«Уважаемый Валентин Сергеевич!

В соответствии с Вашим поручением Госкомстат СССР докладывает оценку основных экономических показателей в 1991 г.

Сельское хозяйство. Площадь яровых зерновых культур (включая кукурузу) с учетом озимых осталась на уровне прошлого года (около 110 млн гектаров). Это позволяет рассчитывать на получение урожая зерновых в весе после доработки в размере 195 млн тонн (на 11% меньше, чем в 1990 г., и примерно на уровне среднегодового сбора в 1986–1990 гг. — 196,6 млн тонн). Несколько сократились посевные площади под картофелем, овощами и сахарной свеклой. Однако если удастся избежать крупных потерь, какие имели место в прошлом году, то можно предполагать, что сбор урожая этих культур будет несколько выше. В целом можно считать, что в сельском хозяйстве заложена неплохая основа для производства растениеводческой продукции.

Производство мяса (в убойной массе) и молока составит соответственно 18,5 и 100 млн тонн, или 93–92% по отношению к прошлому году.

Промышленность. В мае положение в этой отрасли несколько стабилизировалось, что обусловлено сокращением числа забастовок. Существенно улучшилось положение с добычей угля. Если среднесуточная его добыча в апреле составила 1643 тыс. тонн, то в мае она поднялась до 1849 тыс. тонн. В целом за год добыча угля может составить 661 млн тонн, или 94% по отношению к прошлому году. До-

быча газа составит 815 млрд куб. м и будет практически на уровне прошлого года. Также на уровне прошлого года останется производство электроэнергии.

Останется сложным положение в нефтедобывающей промышленности. Общее **снижение добычи нефти** в январе — мае по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составило 22,7 млн тонн, или 10%. В целом за год добыча нефти, включая газовый конденсат, составит 508 млн тонн, что на 11% меньше чем в 1990 г.

Жилищное строительство. В I квартале введено в действие 14,3 млн кв. м общей площади жилья, что составило 89% к соответствующему периоду прошлого года. Как показывают расчеты, в 1991 г. за счет всех источников финансирования будет введено в действие 100–105 млн кв. м (на 11–15% меньше, чем в 1990 г.) против 145–155 млн кв. м, предусмотренных общесоюзным прогнозом о функционировании экономики страны.

Учитывая снижение объема производства во всех отраслях и ухудшение эффективности внешнеэкономических связей, общий **объем валового национального продукта** в условиях сложившихся тенденций может оказаться на 15% меньше, чем в прошлом году. Объем промышленного производства может снизиться примерно на 10%».

Данные по отдельным видам промышленной и сельскохозяйственной продукции, доходам и расходам населения приведены в приложении (табл. 4, 5, 6).

* * *

Документ, приведенный в книге А. И. Молчанова, в комментариях не нуждается. Подчеркнем, что на начало 1991 г. объем основных фондов народного хозяйства СССР составлял по балансовой стоимости 3124 млрд руб., из которых 2084 млрд руб. приходилось на основные производственные фонды. Из общего объема основных производственных фондов доля государственного сектора составляла 89,01%, колхозов — 8,3%, кооперация — 1,6%, собственности граждан — 1,1%.

Нельзя упускать из виду, что СССР (как и Российская империя) строился как страна, а не колониальная система. **Единый народно-хозяйственный комплекс СССР** — это 50 247 предприятий с 1 млрд хозяйственных связей (скреп), единая энергосистема, единые коммуникации, в том числе **общий** — русский — язык межнационального общения. Расчеты на основе обобщенных данных межотраслевых балансов и статистики поставок, характеризовавшие производство и распределение продукции в народном хозяйстве союзных республик, показывали высокий уровень интенсивности экономических связей между ними. Удельный вес вывоза продукции в общем объеме ее производства колебался от 11–16% в РСФСР и Украинской ССР, до 27–28% в Белорусской ССР, Молдавской ССР и Армянской ССР, а удельный вес **ввоза** в республиканском потреблении — от 14–18% в РСФСР и Украинской ССР до 29% в Армянской ССР, Таджикской ССР, Эстонской ССР. **Экономическое пространство СССР не могло «распасться», оно раздиралось насильно коварными алгоритмами»** (Молчанов, 2013: 83).

В 1982 г., суммируя результаты **отчетов ЦРУ** о состоянии советской экономики, сенатор У. Проксмайр говорил: «Можно выделить три ключевых вывода этих исследований: во-первых, советский экономический рост постепенно замедляется, тем не мене, в обозримом будущем рост экономики продолжится; во-вторых, эко-

номические результаты неудовлетворительны, и эффективность экономики невысока, но это не значит, что советская экономика утрачивает жизнеспособность и динамизм; в-третьих, хотя существует разрыв между результатами развития советской экономики и планами, даже в качестве отдаленной возможности крах советской экономики не рассматривается» (цит. по: Гайдар, 2006: 197).

Под командованием Яковлева страна была «заражена» его агитпропом идеей «перестройки», в предкризисе находилась экономика. Одним словом, Советский Союз был ранен, но не смертельно. Всесоюзный референдум по вопросу о сохранении СССР 17 марта 1991 г. показал, что 76,4% опрошенного населения СССР проголосовали за сохранение единого Союза. И он не «распался» бы, если б его сознательно и планомерно не расшатывали, не раскалывали, не травили бы ядом национализма, доводя народы до истерики и вооруженных конфликтов. Однако «перестройщикам» нужно было вынуть из Единой Системы стержень — КПСС, на котором она держалась.

Даже взятые в сумме, все названные причины «самораспада» СССР («застой»; «коммунизм-утопия»; «СССР был империей, и его падение — процесс естественный и неизбежный»; «СССР не выдержал конкуренции с более жизнеспособной системой», «плановая экономика побеждена экономикой рыночной»; «СССР как система был принципиально неререформируем, его политическая система не воспринимала никаких нововведений и т. д.) при всем том, что каждый из этих аргументов в какой-то мере правдив, даже все вместе взятые, лично меня не убеждают.

Не будь заговора на вершине власти, социализм в Советском Союзе, уверен, выстоял бы и со временем развился в своей лучшей форме.

«Застой» как главная причина «перестройки» был придуман. Кризис (а поначалу Горбачев вообще говорил о предкризисе) выдали за смертельную болезнь. «Глубоко моральные», «высоко нравственные» «перестройщики», о чем они не переставали говорить все годы «перестройки» и после убийства страны, взялись все-таки за «врачевание», но... болезнь-то (якобы) оказалась неизлечимой!..

Выполнив роль инициатора политической «перестройки» (роль «кувалды», по выражению Яковлева), КПСС должна была исчезнуть, ее следовало «закрыть». Для этого, кроме всякого рода разоблачений ее деятельности в прошлом, нужна была свежая и очень веская причина из настоящего.

Вот тогда и родилась в голове Горбачева идея введения в стране «чрезвычайного положения», которая осуществилась вскоре после его ухода в отпуск созданием Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Как это происходило, будет показано в одной из глав этой книги. Кто истинный автор этой идеи — до сих пор понятно не до конца. Говорят, что это председатель КГБ СССР В. Н. Крючков. Не исключено. Но сам Крючков в своей книге «Личное дело» об этом даже не заикается.

Вдумаемся: разве возможно такое: 15 августа Центральная контрольная комиссия ЦК КПСС рекомендует исключить Яковлева из рядов КПСС, 16 августа он сам заявляет о выходе из партии, а Горбачев никак не реагирует на оба эти события?

Далее. Разве это не странно, что Яковлев, которого Горбачев отшвырнул от себя, звонит ему на следующий день после выхода из партии (17 августа) и предупреждает его о возможном перевороте 19 августа? (Александр Яковлев ... , 2009). Откуда узнал-то? Театр.

Разве не удивительно, что в те же сроки Горбачеву звонит по телефону президент США Д. Буш и говорит о том же? А Горбачев в обоих случаях отмахивается: «Ерунда» и уезжает отдыхать в Крым? И сидит там, молчит, не связываясь с внешним миром, хотя, как известно теперь, все телефоны на даче Горбачева в Форосе работали. А потом, вернувшись в Москву, разыгрывает с Ельциным перед телекамерами сцену запрещения коммунистической партии в Российской Федерации?

Это был, на мой взгляд, самый главный акт в спектакле под названием «ГКЧП». Конец спектакля усталый Горбачев доигрывал бездарно, по инерции.

Ликовала пятая колонна внутри страны. Финал был прогнозируем и близок, но не очевиден абсолютно. Мало ли какой случай? А вдруг на улицы в защиту ГКЧП выйдет народ?.. Надо показать народу нечто такое, чтоб у него пропала всякое желание протестовать.

Все главные события происходили, как известно, в Москве. Основная «верхушка» пятой колонны гнездилась здесь. И что же придумала эта «верхушка»?

Одним из самых хитроумных и жестоких для населения страны ходов, который выдается за одну из ошибок «перестройщиков», стало объявление за несколько месяцев вперед о повышении цен на потребительские товары. Верховный Совет СССР отверг это предложение. Но как только о возможности такого решения стало известно населению, товары с прилавков магазинов были сметены за несколько дней. Естественно: люди запасались впрок, не дожидаясь повышения цен. Предприятия стали придерживать свою продукцию на складах, намереваясь поставить ее в продажу позднее — по более высоким ценам.

Что было далее?

Мой давний знакомый А. А. Сазонов в книге «Кто и как уничтожил СССР?» рассказывает: «Еще 16 сентября 1989 г. на конференции Московского объединения клубов избирателей Гаврила Харитонович Попов (в 1990–1991 гг. — председатель Моссовета) инструктировал аудиторию, в которой сидели его представители из разных городов СССР: «Для достижения всеобщего народного возмущения необходимо довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести. Таким образом, можно добиться всеобщих забастовок рабочих в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам» (Сазонов, 2010: 44–48).

Позднее, в середине 1990-х гг., когда Попов уже покинул кресло мэра Москвы (он занимал его в 1991–1992 гг.), в телеинтервью признавался, что он звонил руководителям Калининской области с просьбой не посылать вагоны с мясом в столицу (Молчанов, 2013).

А. И. Молчанову удалось найти в архиве документ, помогающий более объективно оценить ситуацию с продовольствием в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Речь идет о материалах обследования органами статистики Советского Союза бюджетов 90 тыс. семей в 1990–1991 гг. Установлено, что в семьях рабочих и служащих на конец марта 1991 г. запасы муки были больше, чем год назад, в 1,7 раза, крупы и мясных консервов — в 2 раза, рыбных консервов — в 1,6 раза, макаронных изделий — в 2,7 раза, масла растительного и маргарина — в 2,6–2,9 раза (там же). Документально подтверждается крылатая фраза тех лет «В магазинах не густо, но в холодильниках не пусто!». Народ делал продовольственные запасы, имел харчи про запас.

Как видим, никакого голода в стране не было. И не предвиделось. Но в 1988–1990 гг. рост производства продуктов питания замедлился, это правда. Данный процесс можно толковать только в контексте проводимой заговорщиками кризисной экономической политики.

Приложение³

Таблица 1

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
(ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

Table 1

PRODUCTION OF MAIN TYPES OF INDUSTRIAL GOODS
(EXTRACTION)

<i>Вид продукции</i>	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Нефть, включая газовый конденсат, млн тонн	595	615	624	624	607	570
Газ естественный, млрд м ³	643	686	727	770	796	815
Уголь, млн тонн	726	751	760	772	740	703
Производство электроэнергии, млрд кВт ч	1544	1599	1665	1705	1722	1728
Чугун, млн тонн	110	114	114	115	114	110
Сталь, млн тонн	155	161	162	163	160	154
Трикотажные изделия, млн штук	1732	1775	1831	1890	1934	1917
Чулочно-носочные изделия, млн пар	1909	1968	2044	2107	211	2133
Обувь, млн пар	788	801	809	819	827	820
Радиоприемные устройства, тыс. штук	8849	8924	8143	8025	8561	9152
Телевизоры, тыс. штук	9371	9436	9081	9637	9938	10519
Холодильники и морозильники, тыс. штук	5860	5948	5984	6231	6465	6498
Стиральные машины, тыс. штук	5068	5383	5779	6104	6698	7882
Мясо (включая субпродукты 1 категории) тыс. тонн	10808	11670	12243	12826	13164	12763
Колбасные изделия, тыс. тонн	3414	3555	3713	3853	3938	3939
Улов рыбы и добыча других морепродуктов, тыс. тонн	10654	11359	11284	11456	11250	10384
Пищевая рыбная продукция (включая рыбные консервы) млн тонн	5,6	5,7	5,5	5,7	5,6	5,5
Цельномолочная продукция в пересчете на молоко, млн тонн	29,8	31,3	32,5	33,5	34,6	34,6

Таблица 2

ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
(ИЗВАЕЧЕНИЕ)

Table 2

PRODUCTION OF MAIN TYPES OF AGRICULTURAL GOODS
(EXTRACTION)

<i>Вид продукции</i>	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Зерно и продукты его переработки						
зерно — всего, млн тонн	191,7	210,1	211,4	195,0	211,0	235,8
Выработано из зерна госресурсов, млн тонн						
мука	37,3	36,9	36,7	35,8	36,0	36,9
крупа	4,2	4,6	4,6	4,7	4,8	4,6
макаронные изделия	1,7	1,7	1,7	1,8	1,8	1,8
Продукты животноводства						
мясо, в убойном весе, млн тонн	17,1	18,0	18,9	19,7	20,1	20,0
молоко, млн тонн	98,6	102,2	103,8	106,8	108,5	108,4
яйца, млрд штук	77,3	80,7	82,7	85,2	84,9	81,7

Таблица 3

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ
(НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В ГОД, КГ)

Table 3

CONSUMPTION OF FOODS
(PER CAPITA ANNUALLY, KG)

	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	62	62	64	66	67	67
Рыба и рыбопродукты	18,0	18,6	18,0	17,6	17,2	16,5
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	325	333	341	356	363	358
Яйца, штук	260	268	272	275	268	258
Растительное масло	9,7	9,8	10,0	10,1	10,4	10,2
Овощи и бахчевые культуры	102	102	100	101	95	92
Фрукты и ягоды (без переработки на вино)	41	47	44	43	41	36
Картофель	104	107	105	99	98	100
Сахар	42,2	44,0	47,2	46,8	42,5	44,9
Хлебопродукты	133	132	132	131	129	133

Таблица 4

ОЖИДАЕМЫЕ ОБЪЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
(ИЗВЛЕЧЕНИЕ)

Table 4

EXPECTED OUTPUT OF INDUSTRIAL GOODS
(EXTRACTION)

	1991 г. Абсолютное производство	% к 1990 г.
Общий объем промышленного производства, трлн руб.	1,7	90
Электроэнергия, млрд кВт ч	1728	100
Нефть, включая газовый конденсат, млн тонн	508	89
Газ, млрд куб. м	815	100
Уголь, млн тонн	661	94
Чугун, млн тонн	99,1	90
Сталь, млн тонн	140	91
Трикотажные изделия, млн шт.	1704	89
Чулочно-носочные изделия, млн пар	1941	91
Обувь, млн пар	738	90
Радиоприемные устройства, тыс. штук	9201	100,5
Телевизоры, тыс. штук	10 466	99,5
Холодильники и морозильники, тыс. штук	6742	104
Стиральные машины, тыс. штук	7936	100,7
Мясо, млн тонн	11,2	88
Масло животное, тыс. тонн	1585	91
Цельномолочная продукция в пересчете на молоко, млн тонн	32,4	94
Сахар из сахарной свеклы, млн тонн	8,9	103
Масло растительное, тыс. тонн	3100	95
Мука, млн тонн	40,8	110,5

Таблица 5

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОЖИДАЕМОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКТОВ
РАСТЕНИЕВОДСТВА И ЖИВОТНОВОДСТВА ПО СССР В 1991 Г. (МЛН ТОНН)

Table 5

PRELIMINARY EVALUATION OF EXPECTED PRODUCTION OF CROP FARMING
AND CATTLE FARMING THROUGHOUT THE USSR IN 1991 (MILLION TONNES)

	1986–1990 гг. (в среднем за год)	1991 г.	1991 г. % к 1990 г.
Зерно (в весе после доработки)	196,6	195	89
Сахарная свекла (фабричная)	87,4	87	106
Картофель	72,3	70	110
Мясо (убойная масса)	19,3	18,5	93
Молоко	105,9	100	92
Яйцо, млрд штук	83,0	78	95

Таблица 6

ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ В 1991 г.
(РАСЧЕТ; МЛРД РУБ.)

Table 6

MONETARY INCOME AND EXPENSES OF POPULATION IN 1991
(CALCULATION; BILLION RUBLES)

	1990 г.	1991 г. (ожидаемый)	Прирост	
			млрд руб.	%
Денежные доходы населения	652,5	1180*	527,5	80,8
Денежные расходы	572,0	940	368	64,3
из них:				
покупка товаров и оплата услуг	497,2	850	352,8	71,0
прирост вкладов, наличных денег у населения, приобретение облигаций и других ценных бумаг	80,5	240	159,5	198,1

* При условии введения со II полугодия 1991 г. индексации доходов населения — 1240 млрд. руб.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. предыдущие публикации И. М. Ильинского (Ильинский, 2023ab, 2021).

² Национальный доход, например, в 1986 г. вырос на 4% (планировалось — на 3,9), производительность труда — на 4,9% (планировалось — 4,1), а прирост промышленного производства составил 4,9%, что на треть больше, нежели среднегодовой прирост в одиннадцатой пятилетке (Рыжков, 1992: 160).

³ Приводится по книге А. И. Молчанова (Молчанов, 2013).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля — 6 марта : стенографический отчет (1986). М. : Изд-во политической лит.

Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992–2005 (2009) / сост. А. А. Яковлев. М. : Демократия. 476 с.

Гайдар, Е. Т. (2006) Гибель империи: уроки для современной России. М. : РОССПЭН. 439 с.

Гэлбрейт, Дж. (1990) Почему правые правы? // Известия. 31 января.

Еремин, А. М. (1997) В дебрях реставрации капитализма (от «перестройки» к деградации экономики) // ИЗМ. № 2.

Ильинский, И. М. (2021) Как «дикий ковбой» Рейган и «новомысл» Горбачев уничтожали СССР (размышления над книгой П. Швейцера «Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря») // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 5–25. DOI: 10.17805/zpu.2021.3.1

Ильинский, И. М. (2023a) Немыслимое: «перестройка» как заговор // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 5–38. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.1

Ильинский, И. М. (2023b) Тайны «перестройки» // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 5–23. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.1

Молчанов, А. И. (2013) «Распад СССР» как философская сплетня (кого греет мертвечина «перестроечных» истин сегодня?). Белгород : [б. и.]. 176 с.

Мэтлок, Д. Ф. (2003) Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М. : Рудомино. 579 с.

Некипелов, А. А., Головнин, М. Ю. (2010) Экономическая трансформация в России 1985–2008 годов // Россия-2010. Российские трансформации в контексте мирового развития / [В. Г. Барановский и др.]; предисл. М. С. Горбачева. М. : Логос. 306 с. С. 25–64.

Перестройке — энергию дел (1990): Всесоюз. совещ. представителей рабочего класса, крестьянства, инж.-техн. работников, 18–19 янв. 1990 г. : [Сборник]. М. : Политиздат. 237, [2] с.

Полторанин, М. Н. (2010) Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М. : Эксмо : Алгоритм. 509, [2] с.

Рыжков, Н. И. (1992) Перестройка: история предательств. М. : Новости. 397, [2] с.

Рыжков, Н. И. (1995) Десять лет великих потрясений. М. : Ассоц. «Книга. Просвещение. Милосердие». 574, [2] с.

Рыжков, Н. И. (2009) Главный свидетель. М. : Эксмо : Алгоритм. 237, [2] с.

Сазонов, А. А. (2010) Кто и как уничтожил СССР?: архивные документы. М. : ИСПИ РАН. 561, [2] с.

Швейцер, П. (1995) Победа: роль тайной стратегии Администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / пер. с пол. Л. Филимоновой. Минск : Авест. 463 с.

Швейцер, П. (2010) Тайная стратегия развала СССР / пер. с пол. Л. Филимоновой. М. : Эксмо : Алгоритм. 301, [2] с.

Дата поступления: 10.11.2023 г.

WHO NEEDED “PERESTROIKA”? THERE WAS NO “STAGNATION!”

I. M. ILINSKY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper by prominent Russian social philosopher, rector of Moscow University for the Humanities I. M. Ilinsky represents a variant of the text of a chapter in the book about “perestroika”, on which the author has been working for many years. This text continues the subject of previous papers by I. M. Ilinsky published in the journal “Znanie. Ponimanie. Umenie”. On the basis of a large number of historical sources and archival materials the paper states that the so-called stagnation in the Soviet economy of the 1980s is nothing but a myth. In fact, as the author shows, the country was developing during that period, although in a difficult and contradictory way. At the same time, the development itself was stipulated by the implementation of state-regulated market elements in the country’s economy. Meanwhile, the economic and political disaster of perestroika was associated not so much with the Soviet system crisis (which could well be reformed) as with the number of governmental measures of the late 1980s aiming to establish an unregulated market in the country. The severe economic crisis that was caused by those measures was aggravated by the deliberate policy of the US administration targeted at the dissolution of the Soviet Union. In this publication, the author yet again argues that behind all those negative processes in politics and economics was the conspiracy of the state leaders (M. S. Gorbachev, A. N. Yakovlev, and E. A. Shevardnadze).

Keywords: USSR; perestroika; stagnation; Gorbachev; Yakovlev; Shevardnadze

REFERENCES

XXVII s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza, 25 fevralia — 6 marta : stenograficheskiy otchet (1986). Moscow, Publishing House of Political Literature. (In Russ.).

Aleksandr Iakovlev. Izbrannye interv'iu: 1992–2005 (2009) / comp. by A. A. Iakovlev. Moscow, Demokratiia. 476 p. (In Russ.).

Gaidar, E. T. (2006) *Gibel' imperii: uroki dlia sovremennoi Rossii*. Moscow, ROSSPEN. 439 p. (In Russ.).

Gelbreit, Dzh. (1990) Pochemu pravye pravyy? *Izvestiia*. 31 January. (In Russ.).

Eremin, A. M. (1997) V debriakh restavratsii kapitalizma (ot «perestroiki» k degradatsii ekonomiki). *I.Z.M.*, no. 2. (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2021) Как «dikii kovboi» Reigan i «novomysl» Gorbachev unichtozhali SSSR (razmyshleniia nad knigoi P. Shveitsera «Pobeda. Rol' tainoi strategii SShA v raspade Sovetskogo Soiuz a i sotsialisticheskogo lageria»). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 5–25. DOI: 10.17805/zpu.2021.3.1 (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2023a) Nemyslimoe: «perestroika» kak zagovor. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 5–38. DOI: 10.17805/zpu.2023.1.1 (In Russ.).

Il'inskii, I. M. (2023b) Tainy «perestroiki». *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 5–23. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.1 (In Russ.).

Molchanov, A. I. (2013) «Raspad SSSR» kak filosofskaia spletnia (kogo greet mertvechina «perestroechnykh» istin segodnia?). Belgorod, [b. i.]. 176 p. (In Russ.).

Metlok, D. F. (2003) *Smert' imperii: vzgliad amerikanskogo posla na raspad Sovetskogo Soiuz a* / transl. from English by T. Kudriavtseva and V. Misiuchenko. Moscow, Rudomino. 579 p. (In Russ.).

Nekipelov, A. D. and Golovnin, M. Iu. (2010) Ekonomicheskaiia transformatsiia v Rossii 1985–2008 godov. In: *Rossiiia-2010. Rossiiskie transformatsii v kontekste mirovogo razvitiia* / V. G. Baranovskii et al; preface by M. S. Gorbachev. Moscow, Logos. 306 p. P. 25–64. (In Russ.).

Perestroike — energiiu del (1990): Vsesoiuz. soveshch. predstavitelei rabochego klassa, krest'ianstva, inzh.-tekhn. rabotnikov, 18–19 ianv. 1990 g. Moscow, Politizdat. 237, [2] p. (In Russ.).

Poltoranin, M. N. (2010) *Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie tsaria Borisa*. Moscow, Eksmo; Algoritm. 509, [2] p. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (1992) *Perestroika: istoriia predatel' stv.* Moscow, Novosti. 397, [2] p. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (1995) Desiat' let velikikh potriasenii. Moscow, Kniga. Prosveshchenie. Miloserdie. 574, [2] p. (In Russ.).

Ryzhkov, N. I. (2009) *Glavnyi svidetel'.* Moscow, Eksmo : Algoritm. 237, [2] p. (In Russ.).

Sazonov, A. A. (2010) *Kto i kak unichtozhal SSSR? : arkhivnye dokumenty.* Moscow, RAS Institute of Socio-Political Studies. 561, [2] p. (In Russ.).

Shveitser, P. (1995) *Pobeda: rol' tainoi strategii Administratsii SShA v raspade Sovetskogo Soiuz a i sotsialisticheskogo lageria* / transl. from Polish by L. Filimonova. Minsk, Avest. 463 p. (In Russ.).

Shveitser, P. (2010) *Tainaiia strategiia razvala SSSR* / transl. from Polish by L. Filimonova. Moscow, Eksmo : Algoritm. 301, [2] p. (In Russ.).

Submission date: 10.11.2023.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Ilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru